

Бог молчит – может, не так просим?

(Слово в 17 неделю по Пятидесятнице священномученика Григория (Лебедева), епископа Шлиссельбургского)

«...И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется.

Но Он не отвечал ей ни слова.

И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами.

Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева.

А она, подойдя, кланялась Ему и говорила:

Господи! помоги мне.

Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам.

Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их.

Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика́ вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час...»

Возлюбленные, сегодня нас учит язычница-хананеянка, которая просит Христа о своей больной дочери. Рассказ о ней вы только что выслушали (Мф. 15,22-28). Он – укор для нас, и Церковь обращает его к нам как последний предел Божия милосердия.

Господь зовет вас в жизнь вечную Своим словом, Своими великими делами. Неужели вы все еще глухи? Неужели все еще бесчувственны? Так посмотрите на язычницу, посмотрите и устыдитесь. За себя устыдитесь.

Растолкаем же свое холодное сердце, хоть стыдом растолкаем! Язычница учит, она опережает нас. Мы же сползли к уровню язычников. Это – горькая правда! Есть ли у нас живая вера во Христа? Нет. Дела по Христе есть у нас? Нет. Исправление, очищение жизни Христом? Нет.

Ревность броситься за Христом и быть с Ним навеки есть ли в нас? Нет.

Какие же мы тогда Христовы? Язычники? Конечно, язычники! Да еще как бы нам не оказаться ниже и хуже язычников. Как же нам не стыдиться и не учиться у хананеянки?

Разберите, как мыслит хананеянка и что она делает. У хананеянки, как у язычницы, были свои боги и был свой путь жизни, как у людей бывают свои боги и свои обманные пути жизни. Когда же хананеянка столкнулась воочию с силами зла (“дочь беснуется”) и когда убедилась в бессилии своего прежнего пути, она становится на путь Христа и идет по нему. Вот первый укор язычницы!

В нашей жизни разве нет разгула зла? И разве не обанкротились все наши обманные пути? А кто из нас ищет выхода? Кто жаждет Бога? Единицы. Масса крутится в своей бестолочи; иногда вздыхает и охает, а нет, чтобы вырваться из неправды и опереться на Бога.

Хананеянка сознает свое бессилие, ищет Бога и идет к Нему. Как идет? Она прежде всего просит о милости: “Помилуй, меня, Господи, Сын Давидов!” (Мф. 15,22). Она не просит: сделай, дай, исполни, а просит: “Помилуй меня”, меня помилуй...

Очевидно, у женщины на первом месте сознание, как она далека от Бога, как ничтожна, как ничем она не заслужила Божиего отклика, как не способна принять Его дары. Она

сознает, как велика пропасть между Богом и ее заблудившейся жизнью. Поэтому первая просьба о себе: “помилуй меня”, меня помилуй...

Не вмени моей неправды, не отвернись от меня из-за моей греховности и помилуй, помилуй. Значит, первая забота хананеянки – осудить себя и тем приблизить к себе Бога, чтобы получить Его милость. Только после этого она просит о дочери: “Дочь моя жестоко беснуется”. Вот каково было настроение хананеянки при обращении ее к Богу!

Есть ли у нас такая настроенность? Есть ли у нас чувства ничтожности своей и недостойности перед Богом? Есть ли у нас стремление убежать от своей смрадности, осудить ее и лишь тогда взывать о Божией помощи, когда убрана преграда, отделяющая душу от Бога?

Такого сознания и настроения у нас, конечно, нет. У нас на первое место выдвигается: дай, сделай, помоги, устрой, освободи, сохрани! Это – наши основные моления. Забота о своей негодности стоит среди них особняком и выдвигается (да не формально ли только?) лишь в особые моменты церковного покаяния. Таков второй укор язычницы.

Осудив себя и моля о помиловании, хананеянка пошла за Христом. Евангельская история знает много примеров следования за Христом. Таковы апостолы, слепой, расслабленный... Но рассказ о следовании за Христом хананеянки оставляет далеко позади все эти примеры.

Евангелист сжато и ярко передает этот эпизод. Покорная силе неудержимой веры, хананейка влечется к своему Спасителю – она презрела все, стала вне себя; она вся – в порыве к Богу, весь пульс ее жизни затрепетал в этом порыве. Она “кричала Ему”, кратко описывает Евангелие. Кричала, не говорила, не шептала, не тихо взывала, умоляя. Она во весь голос кричала: “Помилуй!” Это – верх подъема души, захваченной верой, когда душа уже пренебрегает рамками обычного и принятого.

Женщина идет за Христом и кричит как иступленная. Этот крик сердца продолжается не мгновение, не минуту; он был, очевидно, непрестающим. Идет и кричит, идет и кричит! Этого крика не ослабляет и этого порыва не снижает полное молчание Бога. Как будто Бога и нет, или как будто Он ничего и не слышит.

“Но Он не отвечал ей ни слова” (Мф. 15,23). Бог не отвечает. Как будто Его нет, а она идет и кричит. Идет и кричит. Так настойчив, так неослабевающ был этот крик, что наконец ученики Христа не выдержали и, обычно покорные Учителю, они на этот раз вмешиваются в поведение Бога и вступаются за женщину. “И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами”.

Вот, значит, насколько силен и настойчив был ее крик, что он покорила даже сторонние человеческие сердца. “Отпусти ее”, – без устали кричит она и не отстает, потому что “идет и кричит за нами”. И она добьется своего своей неотступностью. Ученики были уверены, что она добьется

у милосердного Бога, потому и просят только об ускорении милости: “Отпусти”, сейчас отпусти. Рассказывал же Сам Учитель, что даже неправедный судья исполнил просьбу бедной вдовы, неотступно просившей о защите (Лк. 18,1-8).

Вот какой силы был крик и какой устремленности был порыв души, что они склоняли к кричащей даже человеческое сердце и как бы вынуждали Бога откликнуться. Это третий укор хананеянки: сила и постоянство ее обращенности к Богу.

В силе устремления к Богу эта язычница не выше ли нас? Разве нашим измятым душам по плечу такой неудержимый порыв, и разве они, будучи расслабленными, знают такую устремленность? Нет и нет! Мы способны лишь на короткую вспышку порыва, и нам посильна только мгновенная обращенность к Богу. Нам не выдержать долгого и тем более постоянного отрыва от земли, и полный уход сердца к Богу нам недоступен.

Поэтому мы так малодушны, что если Бог не отвечает сразу на нашу просьбу, мы уже в смятении и унынии, и ползут и расслабление, и ожесточение, и чуть ли не укоры Богу. Рассудите сами, где же нам, в своей бедности, меряться с силой души хананеянки? Но и этим третьим укором еще не кончается пристыжение нас язычницей.

Дальнейшее поведение женщины обнаруживает едва ли не самое покоряющее во всем рассказе. Женщина выяв-

ляет главную черту своей веры – смирение. Смирение – неотрывная часть истинной веры. Вера есть отказ от опоры на себя. Как же отказаться от себя, если не смиренным сознанием, что ты – ничто – и можешь спастись только зачеркнув себя?

Однако далеко не всякая христианская душа способна на такое смирение веры, которое проявила хананеянка. И снова наставляет она нас.

Ученики Господа своей просьбой о женщине задержали Христа. В это время подошла сама кричащая и продолжала просить: “Господи! помоги мне” (Мф. 15,25). Христос только что объяснил ученикам, почему крики женщины остаются как бы вне Его внимания. Он объяснил учени-

кам, что его миссия предназначена для евреев: “Я послан только к погибшим овцам дома Израилева”. В согласии со Своей миссией Христос отвечает отказом: “Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам”. Миссия Господа – забота об избранном народе, и не будет ли отвлечение Его на другое отнятием хлеба у детей?

Итак, Господь сначала молчит, как бы не удостаивая Своим вниманием хананеянку, а потом, когда за нее вступаются ученики, Христос отвечает ей, но отвечает полным отказом. Отказ, казалось бы, исключал всякую надежду на исполнение просьбы: кто же отнимет хлеб у детей? После этого отказа женщина не только не оставляет Бога, но проявляет такую силу веры и при вере – такую силу смирения, что как бы обезоруживает Бога, и Он изменяет свое решение, подавая ей просимое.

Отказ был решительным, и он был облечен в обидную форму: просящая женщина уподобилась псам, которых не сажают за стол питаться наравне с детьми. Однако в женщине нет и тени обиды, недовольства или упадка устремленности и отхода от Бога. В ней – прежняя вера, упорная и непоколебимая. Эта вера, расцвеченная безграничным смирением, принимает ответ Господа как Божественную справедливость и, конечно, от всей души подчиняется Ему.

“Так, Господи, – говорит женщина, исповедуя мудрость и справедливость Божией воли. – Да, Господи, Ты пришел ради избранных детей и Твоя сила изливается на них, а я

не принадлежу к детям и я не смею думать о Твоем покровительстве в меру детей. Я, недостойная, истинно, как пес хочу ползать у Твоих ног”.

Опять слышится неослабевающая молитва веры, и на этот раз она усиливается дерзновением смирения: “Так, Господи, я, как ползающий пес, недостойна полноты Твоей милости, того, что Ты изливаешь детям, но вот когда питаются дети, от них падают крошки, и псы под столом подбирают их”. “И псы едят крохи, которые падают со стола господ их” (Мф. 15,27).

“Господи! Вот я, как пес, тянусь за этими крошками. Дети не будут обижены, а мне будет довольно хоть крошки Твоей любви. Как пес, я ползаю у ног Твоих и не мечтаю и не прошу пищи детей. Дай мне подобрать малую крошку, которая скатится со стола! Не прогоняют же псов, подбирающих крохи, а я верю, что и крошка Твоей любви и силы вернет к жизни мою дочь”. Такова исключительная сила ее веры и смирения в вере. Мы не найдем в Евангелии рассказа о вере большей силы.

Эта смиренная вера и заставляет Бога откликнуться. Расстроганный силой ее веры, Господь выполняет ее просьбу – исцеляет дочь – и хвалит при этом исключительность веры этой женщины: “О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час” (Мф. 15,28).

Братия! Этот акт веры хананеянки, увенчанный Божьим откликом, – разве не укор для нас? Разве этим проявлением веры язычница не поднялась на недостижимую высоту? Трудно нам сравнивать себя с нею. Мы в своей слабой вере настолько самоуверенны, что если не бываем скоро услышаны, то быстро охлаждаем, принимая молчание Бога чуть ли не за личное оскорбление для себя. Бывает даже, что мы ожесточаемся, замыкаемся в себе и готовы отшатнуться от Бога. Живое сознание своей негодности нам недоступно! Видимость смирения поверхностно скользит по нашей душе, и мы не способны перейти к подлинному самоотрицанию.

И потому практически для нас невозможно уничтожить себя до того, чтобы смотреть на себя как на последнего пса и недостижимо считать для себя величайшим счастьем, если за всю нашу веру и преданность Богу нам когда-то, где-то упадет крошка Его благодати. Вот отчего порывы нашей веры чужды и остаются бесплодными.

Смиренная вера язычницы становится идеалом для нас, христиан. Ее вера и смирение вынудили Бога на отклик. Такова их сила, и она поставила эту чужеродную женщину впереди верных.

Братия, теперь сделайте вывод. Вы, наученные вере как силе души и узнавшие, что вера должна быть непрерывным горением к Богу; вы, которым открыто, что вера обеспечивает приближение Бога, и увидевшие, что вера переводит в сферу Божия и освобождает от подчинения

земле, – теперь на примере хананеянки вы еще раз научитесь тому, какая должна быть вера. Как неистребима была ее настойчивость и как полна ее отдача себя Богу при полном самоуничижении! И пусть пример язычницы-хананеянки больно стыдит нас. Нам все открыто и пути веры ясны, а мы все еще безжизненны, идем уныло и вяло, скользим по поверхности веры, и нет ухода от себя и своей негодности, нет настойчивого искания Бога, как единого центра жизни.

В то же время пусть пример этой язычницы-хананеянки бодрит нас. Если она, чужая и неверная, привлекла к себе милосердие Бога, то тем более близок Он своим детям, и его отклик вам обеспечен. Если вы потеряетесь и собьетесь с пути, если потеряете свое сыновство, то пусть этот же пример поднимет вас.

Не поддавайтесь тогда злу и не коснейте в неправде, а молитесь как хананеянка: помилуй, помилуй! И не ослабевайте, если Господь будет молчать, и вы долго, долго не будете услышаны. Смирите себя! Скажите себе, что Бог занят детьми, преданными и послушными, а вы неверны Богу и недостойны быстрого отклика. Смирите себя и считайте за последнего пса Божия Дома.

И в неослабевающей преданности Домовладыке вы ползайте у Его ног и ловите Его взгляд, и стерегите Его желание, чтобы только угодить Ему. Считайте себя достойными получить только малую крупицу Божия дара, не больше, одну только крупицу. Желайте и ищите, чтобы такая кру-

пица от стола Божиих даров упала к вам. И крупица спасет, ибо Божий дар могуч!

Как дочь хананеянки, ваша больная душа “исцелится в тот час”, и останетесь вы с любящим Богом своим, уж не как ползающие псы, а как Его любимые дети на веки веков. Аминь.

Сила молитвы не в многословии,
а в искренности
МОЛИТВЕННОГО
ВЗДОХА

прп. Нектарий Оптинский

Текст представлен порталом

Предание.ру

